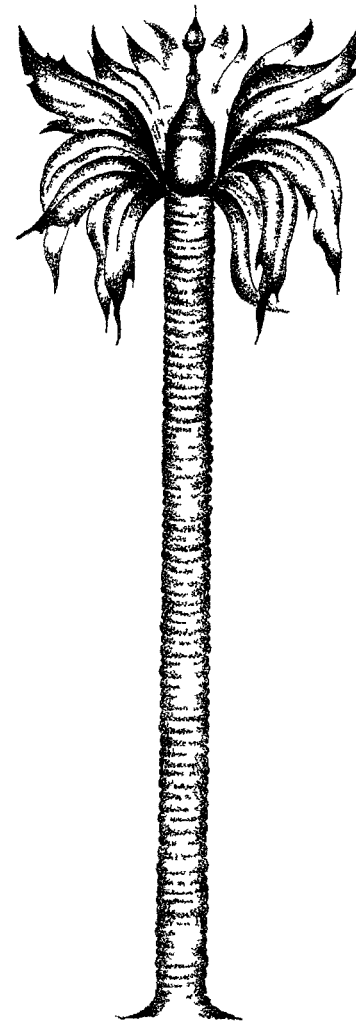

**Имад ибн Мухаммад ан-Наари
Жемчужины бесед**

**Издательство
„Наука“**

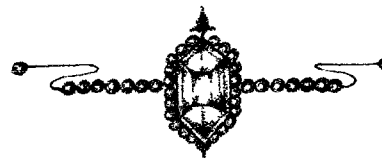

**Имад ибн Мухаммад ан-Наари
Джавахир ал-асмар**

**Имад ибн Мухаммад ан-Наари
Жемчужины бесед**

**Главная редакция восточной литературы
Москва 1985**

ББК 83.35
И50

Перевод с персидского
М.-Н. О. ОСМАНОВА

Ответственный редактор
О. Ф. АКИМУШКИН

Художник
А. ЮСУПОВА

Имад ибн Мухаммад ан-Наари

И50 Жемчужины бесед (Джавахир ал-асмар). Пер. с перс. М.-Н. О. Османова. Предисл. О. Ф. Акимушкина. Художник А. Юсупова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

399 с.

Памятник индо-персидской литературы XIV в. в изысканной форме перелагает знаменитые на Востоке истории о мудрости, о коварстве женщин, о добре и благородстве.

И 470300000-053 190-83
013(02)-85

ББК 83.35

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

ЗАБЫТЫЕ «РАССКАЗЫ ПОПУГАЯ»

Предлагаемое вниманию читателей произведение — образец персоязычной литературы средневековой Индии. Оно представляет собой сборник различных по своему сюжету и типу рассказов, заимствованных из нескольких антологий и оригинальных сочинений древнеиндийской литературы и переведенных с санскрита на персидский язык — литературный язык Делийского султаната, мусульманского государства Северной Индии с центром в г. Дели. Персидский текст «Джавахир ал-асмар» сохранился в единственной пока известной нам рукописи из собрания библиотеки Маджлиса в Тегеране¹. Этот уникальный список был, без сомнения, переписан в первой половине XIV в., т. е. весьма близко ко времени создания произведения. К сожалению, рукопись дошла до нас с дефектами: в середине ее имеется лакуна, в которую входят окончание 26-го дастана (повести), все рассказы 27-го и начало 28-го дастана; кроме того, утрачен конец рукописи — от заключения 49-го дастана. Таким образом, в ней полностью отсутствуют рассказы 27-го дастана, дастанов 50—52 и частично дастанов 26, 28, 49.

Сам автор в тексте называет свое сочинение «Джавахир ал-асмар» («Жемчужины бесед» или «Ожерелье ночных бесед», этот перевод мне представляется точнее), издатель на титульном листе добавляет: «Тути-наме» («Книга попугая»), связывая это произведение с известной в литературе Ближнего и Среднего Востока традицией. Издатель также «с абсолютной уверенностью» читает нисбу автора (имя по месту происхождения) как ас-Сагари, возводя ее к городу Сагар, «что недалеко от Кермана на побережье» (см. предисловие издателя, с. 52). Однако, ознакомившись с оригиналом текста л. 4а, воспроизведенного факсимиле в издании (предисловие, с. 16), мы сочли предпочтительным чтение нисбы как ан-Наари, возводя ее к названию арабского племени, осевшего в Иране в VIII в.

По композиции «Джавахир ал-асмар» относится к своеобразному

¹ Инвентарный номер 6680; издана Шамс ад-Дином Ал-е Ахмадом в Тегеране в 1973 г.

жанру обрамленной повести, зародившемуся в санскритской прозе древней Индии и распространившемуся затем в литературе Востока и Запада. Отличительной особенностью обрамленной повести является «обязательное наличие обрамляющего рассказа»², общей повествовательной рамки, в которую искусно вплетены большие и малые новеллы, сказки, притчи и басни, зачастую не связанные непосредственно с основной фабулой.

По своему сюжету и содержанию «Джавахир ал-асмар» представляет собой весьма распространенное в восточных литературах повествование, посвященное хитростям и коварству женщин.

Отметим здесь, что переводчик публикуемой книги, доктор филологических наук М.-Н. О. Османов остановился при переводе названия на варианте «Жемчужины бесед» — бесспорно вполне корректном. Однако мне представляется более убедительным перевод «Ожерелье ночных бесед». Изложу свои соображения. Сочинение состоит из повестей-дастанов разной длины, которых, как указывает автор, ан-Наари, всего 52 и которые он называет «жемчужинами» (*джавахир*). Известно, что среди жителей Ирана и обитателей побережья Западной и Южной Индии издавна бытует поверье, будто ожерелье из 52 или 104 жемчужин приносит своему владельцу здоровье и счастье, отвращает от него беду. Поверье это несомненно было известно автору книги, который как бы «зашифровал» смысл названия в числе дастанов. Такой прием весьма близок общему стилю автора и всей той эпохи, пристрастной к намекам и инсказаньям. Что касается слова *асмар* (мн. ч. от араб. *самар*), то оно означает «развлекательные рассказы, повествования и беседы, ведущиеся после наступления ночи». Таким образом, «Ожерелье ночных бесед», на мой взгляд, наиболее точно раскрывает смысл названия «Джавахир ал-асмар».

Сюжет обрамляющей новеллы несложен. В одном из городов Южной Индии жил купец по имени Саид, обладавший несметными богатствами. Однако передать нажитое добро было некому, поскольку у купца не было детей. Тогда Саид обратился за помощью к праведному отшельнику-аскету, который посоветовал ему очистить душу от скверны, раздать треть достояния бедным и прочесть молитву, которую он дал купцу. Прошло положенное время, и родился мальчик, которого нарекли Саэдом. Когда сыну минуло двадцать лет, ему подыскали жену — красавицу Мах-Шакар. Но юный Саэд так увлекся семейными радостями, что забросил торговлю, забыл дорогу в лавки и перестал помогать отцу в делах. Отец и мать встревожились, и однажды купец, поддержанный своими друзьями, обратился к Саэду с настоятельной просьбой взяться за ум, подумать о хлебе насущном. Сын внял совету отца

² Термин «обрамленная повесть» был предложен и впервые введен П. А. Гринцером. См. П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть). М., 1963, с. 3—6.

и, взяв у него тысячу динаров взаймы, открыл собственную лавку в торговых рядах. Однажды на базаре торговали говорящего попугая за тысячу динаров — очень высокую цену. Попугай уговорил Саэда купить его, убедив, что он птица непростая, дал ему ценный деловой совет — и молодой купец приобрел птицу, а немного погодя еще и добыл ему в пару самку. Он сделал попугая своим наставником, советовался с ним по всем своим делам.

Отправившись торговать за море, Саэд наказал Мах-Шакар во всех делах испрашивать совета у четы попугаев и ничего не предпринимать без их разрешения. Оставив дом и жену на попечение мудрых птиц, он отбыл. Минул год. Однажды Мах-Шакар, чтобы развеять тоску, поднялась на крышу дома, ее увидел красавец принц и влюбился в нее с первого взгляда. Появляется ловкая пронира сводница, которая льстивыми и коварными речами склоняет Мах-Шакар к свиданию с принцем, раздувая в ее сердце пламя страсти. Перед тем как отправиться на встречу с принцем, Мах-Шакар приходит к попугаихе и просит разрешения у нее на этот шаг. Та начинает ее увещевать и взывать к добродетели. Мах-Шакар в гнев ударяет ее об пол, и та умирает. Затем Мах-Шакар направляется к попугаю за советом. Мудрая птица уже смекнула, что *отговаривать Мах-Шакар опасно, поэтому, всячески подчеркивая свою лояльность по отношению к хозяйке, попугай не спорит с ней и не отговаривает ее, а лишь отвлекает от задуманного: всю ночь рассказывает ей захватывающе интересную историю и этим срывает назначенное свидание. Так проходят 52 ночи, пока не возвращается Саэд, который воздает хвалу попугаю за мудрые действия, не допустившие Мах-Шакар до греха, и прощает свою жену*³.

Те весьма скудные сведения, которыми мы располагаем об авторе «Джавахир ал-асмар» Имаде б. Мухаммаде ан-Наари, почерпнуты из его сочинения⁴. Мы точно не знаем, когда и в каком районе Индии родился наш автор, и можем лишь с известной степенью приближенности, опираясь на его собственные слова, сказать, к каким слоям общества он принадлежал и в каком возрасте создал свой труд. По всей видимости, Имад

³ Согласно заключительному эпизоду обрамляющего рассказа древнеиндийской версии, вариант которой был использован нашим автором при переводе (ср. Шукасапгати (Семьдесят рассказов попугая). М., 1960, с. 110), а также концовке турецкого перевода «Тути-наме» Нахшаби, выполненного в Турции в XVII в. с привлечением «Джавахир ал-асмар».

⁴ Нам не удалось обнаружить каких-либо сведений об авторе в хрониках, составленных в Индии в XIV—XV вв., включая и «Тарих-и Фирузшахи» («Фирузшахова летопись»). Эта летопись была составлена в 758/1357 г. и содержит специальный раздел, посвященный представителям государственного аппарата, а также деятелям культуры эпохи султана Ала ад-Дина Халджи (1296—1316). См. The Tārīkh-i Feroz-Shāhī of Ziaa al-Dīn Barnī. Ed. by S. Ahmad Khan (Bibliotheca Indica). Calcutta, 1862 (text), с. 342—367.

б. Мухаммад происходил из семьи чиновников-дабиров средней руки, потомственных государственных служащих — дабирами были его дед, отец и брат. Такое происхождение, несомненно, определило его дальнейшую судьбу: его с детских лет готовили к чиновничьей карьере и специально обучали для успешной работы на этом поприще. В результате он свободно ориентировался в том комплексе знаний, которые были обязательны для каждого профессионально подготовленного дабира. Стремясь как можно полнее овладеть секретами ремесла, он постоянно искал встреч, общения с корифеями и знатоками секретарского искусства, самозабвенно изучал трактаты по канцелярскому делу наряду с другими сочинениями, готовый довольствоваться при этом «сухой лепешкой и глотком горячей воды». Следует признать, что усердие его принесло плоды — свидетельством тому служит его «Ожерелье ночных бесед». В этом труде мы видим превосходное знание Корана и хадисов — изречений Мухаммада, а также связанного с ними круга «коранических» дисциплин, свободное владение персидской поэзией: в сочинении по разным случаям цитируются стихи Му'иззи и Анвари, Хакани и Низами, Джалал ад-Дина Руми и Са'ди, а также других поэтов. Не чувствовал себя наш автор дилетантом и в арабской словесности, он со знанием дела разбирался в вопросах риторики и стилистики, этики и политики, истории и астрологии. Наконец, он показывает и несомненное знакомство с языками народов Индии⁵. Словом, когда пришло время проявить себя, он по настоянию друзей «составил сию книгу-перевод», т. е. «Джавахир ал-асмар». «Ожерелье ночных бесед» было посвящено и поднесено Ала ад-Дину Мухаммад-султану (695—715/1296—1316) — наиболее значительному представителю династии Халджи на делийском престоле. Нам неизвестна точная дата начала или завершения работы над переводом, но, по словам Имада б. Мухаммада, когда стали порицать его за то, что он устранился от придворной службы, «которая унаследована им от отцов и дедов», султан Ала ад-Дин уже царствовал семнадцать-восемнадцать лет. В таком случае период, в котором был составлен этот труд, очерчивается достаточно четко — это 713—715/1313—1316 гг.⁶. Появление «Джавахир ал-асмар» — сборника переводов древнеиндийских занимательных рассказов, выполненных причем в самой Индии, а не за ее пределами (как это было, например, с «Калилой и Димной» или же

с «Книгой Синдбада»⁷), явилось закономерным следствием процесса сближения и взаимного обогащения персоязычной и индийских литератур. К тому времени так называемый мусульманский период истории Индии, который ознаменовался не только появлением и распространением новой религиозной идеологии, но и тесно связанными с нею новыми культурой и литературой, длился уже несколько веков. Персидский язык как носитель этой культуры был не только родным языком десятков тысяч мусульман, хлынувших в Индию (особенно в начале XIII в. во время монгольского нашествия) из Ирана и Мавераннахра. К XIV веку он стал одним из основных средств общения между собой народов Северного и Центрального Индостана. В этот же период окончательно сформировалась персоязычная литература Индии, уже в начальной стадии приобретая специфические черты, отличающие ее от «прародителей» — собственно персидской и таджикской литератур. Эта специфика сказалась прежде всего в обращении к местной тематике, к индийской действительности. Персоязычная литература начала адаптировать и перерабатывать сюжеты и жанры индийской словесности и фольклора, обнаружив вполне понятный интерес к оригинальным произведениям древнеиндийской литературы. Когда наш автор принялся за свой труд, *литературная жизнь в Делийском султанате была ключом*. Отметим, что он был современником выдающихся персоязычных поэтов Индии — «делийского соловья» Амира Хосрова Дихлави (652—725/1253 — 1325) и Амира Хасана Дихлави (652—727/1253—1327)⁸, живших и творивших в столице султаната г. Дели.

Дошедшие до нас исторические хроники и нарративные источники позволяют заключить, что такой вид литературной деятельности, как перевод местных оригинальных сочинений на персидский язык, считался занятием, достойным уважения и одобрения. Это подтверждает и пример нашего автора, который, желая привлечь к себе внимание «сильных мира» и тем самым добиться признания, известности, сделать карьеру, обратился к своему труду. Как свидетельствует сам автор, ему не удалось найти (вопреки первоначальному замыслу) оригинальное сочинение, которое бы полностью удовлетворило его по содержанию. Поэтому

Вызывает интерес сообщение автора о том, что при переводе он использовал сборник «Калила и Димна», который не был переведен на персидский язык. Его замечание служит еще одним подтверждением утвердившемуся в науке мнению, что в древнеиндийской литературе бытовало несколько версий этого сборника. Подробнее о переводах этих сочинений на персидский язык и их судьбе см. М. А. Годуа. Некоторые вопросы орбелиановской версии «Калилы и Димны». — М. А. Годуа. Грузинско-персидские этюды. Тб., 1971, с. 212—240; А. А. Стариков. Предисловие. — Мухаммад аз-Захри Самарканди. Синдбад-наме, пер. М. Н. Османова. М., 1960.

⁸ О них см. Г. Ю. Алиев. Персоязычная литература Индии. М., 1968, с. 49—68.

⁵ Крупнейший персоязычный поэт Индии Амир Хосров Дихлави (1253—1325) в предисловии к своему третьему собранию стихотворений, «Гуррат ал-камал» («Лучшая часть совершенного»), специально отмечает, что мусульманские дабирь и мушши (секретари) Делийского султаната не только свободно владели местными языками, но и уверенно ориентировались в литературе на этих языках (проза и поэзия), включая стилистику. См. рук. ИВ АН СССР В 169, л. 52б.

⁶ Султан Ала ад-Дин умер 5 января 1316 г., так что позже этой даты труд не мог быть завершен. Скорее всего он был закончен в 1315 г.

он и составил сборник-компендий, названный им «Джавахир ал-асмар», включив в него переведенные и обработанные им притчи, рассказы, короткие новеллы из различных произведений древнеиндийской литературы, которые объединил обрамляющим рассказом. В этих рассказах и новеллах сосуществуют мир людей и животных, мир фантастических существ и духов. Развлекательные и поучительные рассказы «из жизни зверей и птиц», где они действуют и говорят как люди в образе животных, перемежаются бытовыми сказками с социальной направленностью, зарисовками с натуры. В этих пестрых картинках мы явственно ощущаем повседневную жизнь, быт, нравы и аромат эпохи; в них бьется пульс времени — даже тогда, когда героями в них выступают не люди, а представители царства зверей или сверхъестественные силы. Ведь это лишь излюбленная форма притчи, басни, сказки. Читатель легко заметит, что в целой серии рассказов сборника не содержится ничего чудесного и сверхъестественного. Они событийны, живы, зачастую — реалистичны, это сцены из быта простого люда, ремесленников и купцов, описания проделок мелких воришек и мошенников, истории о неверных женах и анекдоты о простодушных мужьях. Вместе с тем, и это естественно, значительное внимание уделено и фантастическому, магическому и волшебному элементам. Итак, в этом произведении мы встречаемся с самыми различными и разнообразными жанрами и сюжетами повествовательной и развлекательно-сказочной литературы: с аллегорией притчи и басни, реализмом бытовой сказки-рассказа, героикой волшебной сказки, мифическими превращениями в магических историях и т. п. Чуть скрепленные рамочной композицией произведения, они живут сами по себе, не ощущая зависимости друг от друга. В сорока девяти дастанах «Джавахир ал-асмар» содержится восемьдесят шесть рассказов, новелл и сказок. 57 из них рассказывает попугай, 12 — другие животные, а 17 — люди, выходцы из различных слоев общества. Разнообразен и подбор героев-персонажей. Здесь (помимо людей) мы видим слона, льва, обезьяну, барса, тигра, рысь, мышь, кошку, шакала, осла, лягушку, змею, пчелу, рыбу, дятла, куропатку, королька, ворона, павлина; вершат свои дела джинны, дивы и волшебники и другие злые и добрые силы. Литературный этикет эпохи требовал от автора-мусульманина не только обрядить своих героев в мусульманские одежды и вложить в их уста подобающие с точки зрения ислама речи, но также украсить, расцветить и разнообразить их речи и диалоги цитатами стихов Корана, хадисов и арабских крылатых изречений (поговорок), что должно было сверх всего продемонстрировать читателю эрудицию автора и его искусное владение всем комплексом мусульманской книжной премудрости и знания. Имад ан-Наари приводит 98 стихов из 49 сур (глав) Корана и цитирует 174 хадиса. Отметим, что не следует рассматривать цитацию Корана как непреложную религиозную обязанность любого мусульманского автора. Дело в том, что

в глазах верующих язык Корана является вершиной красноречия, непревзойденным образцом прекрасного слога. Насыщая свой текст кораническими включениями, автор стремится показать не только ученость, но и свое искусство в «подаче» этих включений, сделать их органичными. Конечно, чтение такого текста предполагало хорошее знакомство читателя с кораническими сюжетами — именно тогда он начинал играть всеми красками, блистать высказанными и невысказанными ассоциациями и сопоставлениями. К сожалению, большая часть этих средневековых красот не поддается непосредственному перенесению в иную языковую и культурную среду и потому остается недоступной современному русскому читателю: самому искусному переводчику не под силу воспроизвести в русском тексте все специфические ассоциативные связи, заложенные в мусульманский культурный фонд. Например, у широкого круга наших читателей выражение «белая рука» не рождает никаких особых образов — разве что образ белой женской ручки, машущей платком. Тогда как у средневекового (да и у современного) мусульманского читателя эти слова связаны с представлением о чудесах Мусы, которые тот явил пред Фараоном, затмив его чародеев, в конечном счете — с представлением о торжестве мусульманства как «правой веры» над язычеством.

Имад ан-Наари старается также показать свое знакомство с известным в его время «классическим наследием», цитируя подходящие к случаю стихи и изречения (хотя тут его эрудиция намного слабее). Подобная традиция, когда литератор словно бы раскрывал перед читателем свой литературный багаж, возникла задолго до нашего автора, и он только следовал ей.

Любопытно, что наш автор, соблюдая требования современного ему литературного канона по отношению к переводам, в процессе своей работы над оригиналом решительно отказался от индийского колорита, которым изобиловали избранные им рассказы и притчи. Упомянув вскользь индийские имена, местности, иногда — обычаи, он облакает своих героев в мусульманские одежды, придает им присущий мусульманам образ мыслей, повадки, нравы. Тем больший интерес вызовет у специалиста 25-й рассказ из 13-й ночи-повести, содержащий краткий экскурс об основах индийской музыки, термины которой переданы арабграфичной транскрипцией. Начиная с легенды о том, как индийскую музыку создал Рама, он затем приводит 36 из 42 ладов, ритмических единиц и тонов, установленных этим героем древнеиндийских сказаний. Но, увы, здесь Имад ан-Наари был далеко не столь сведущим — многое он перепутал и исказил⁹.

Надо полагать, что ан-Наари, завершив книгу, преподнес ее своему

⁹ Сложные вопросы индийской музыкальной теории изложены в прекрасной книге: Б. Чайтанья Дева. Индийская музыка. М., 1980, к которой мы и отсылаем любознательного читателя.

патрону — султану Ала ад-Дину К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какое влияние на его карьеру при дворе оказала она, свершились ли связанные с ней честолюбивые надежды, как впоследствии сложилась его судьба А вот его детищу явно не повезло Дело в том, что спустя 14—15 лет после того, как Имад ан Наари завершил «Джавахир ал-асмар», в 730/1329-30 г его перевод был переработан в том же Делийском султанате выходящем из Нахшаба (ныне г Карши в Узбекской ССР) Зийа ад-Дином по просьбе одного вельможи Не вдаваясь здесь в подробности работы, проделанной с сочинением своего предшественника Зийа ад-Дином, отметим, что последний был превосходным стилистом и тонким знатоком языка Он столь профессионально и мастерски обработал «Джавахир ал-асмар», сократив неоправданные длинноты, устранив рыхлость композиции и заменив некоторые повести (не более пяти в общей сложности), что его обработка, названная им «Тути-наме» («Книга попугая»), широко распространилась по всему мусульманскому миру и принесла ему мировую известность Элегантно написанная и полностью отвечавшая литературному этикету эпохи, «Книга попугая» затмила «Ожерелье ночных бесед», свой прообраз Читательский интерес к последнему угас, и оно вскоре было забыто даже современниками Потеря же читательского интереса привела к тому, что его списки-копии перестали заказывать переписчикам Последующие поколения и не ведали, что «Тути наме» Нахшаби это лишь превосходно исполненная обработка «Джавахир ал-асмар» Имада ибн Мухаммада ан-Наари Все последующие обработки и сокращения сочинения на персидском и таджикском языках, равно как и его переводы на многие языки Востока и Запада, связаны уже с «Тути-наме» Нахшаби Наиболее популярной оказалась сокращенная обработка Мухаммад-Худаванда Кадири (XVIII в), сделанная в Индии, которая была переведена на восточные языки декани, бенгали, хиндустани, турецкий, туркменский, татарский, узбекский (дважды), афганский (дважды) и западные английский (неоднократно, первый раз — 1792 г, последний — 1978 г), немецкий (1822, 1858 гг), французский (1927, 1934 гг), русский (1915, 1979 гг) Такovy приключения сказок попугая, переведенных и собранных в один сборник «Ожерелье ночных бесед» персидским дабиром Имадом ибн Мухаммадом ан-Наари Как тут не вспомнить знаменитый афоризм древних римлян «Книги имеют свою судьбу»? Действительно, написанное в начале XIV в в Индии, прочно забытое уже современниками, это произведение прошло через века, войны, лихолетье и забвение и вновь возродилось к жизни в наши дни

О Акимушкин

Имад ибн Мухаммад ан-Наари Жемчужины бесед

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Ф. Акимушкин. Забытые «Рассказы попугая»</i>	<i>5</i>
Жемчужины бесед (Джавахи́р ал-асмар)	
Введение	14
Начало книги. Повесть о купце Саиде, его сыне Саэде, о Мах-Шакар, жене сына, и о рассказах попугая	23
Повесть об обратном в ислам купце, о его жене и о том, как она поступила с попугаихой	34
Повесть о падишахе Хузистана и воине по имени Джанбаз	41
Повесть о ювелире и резчике по дереву, о том, как они отправились в кумирню и унесли золотые фигуры, как ювелир перепрятал их, а резчик похитил детей ювелира и как затем ювелир вернул идолов	49
Повесть о воине и его праведной жене и о том, как она вручила своему мужу букет цветов	56
Повесть о радже Камру, о попугае-лекаре и о том, как он вылечил раджу	63
Повесть о плотнике, ювелире, праведнике и ткаче, о деревянном кумире и распри между ними	73
Повесть о радже Бахваджрадже, дочери царя джиннов, колодце и влюбленном муже	81
Повесть о Кубаде, царе Шама, о том, как освободили царя попугаев, о том, как попугай привез из страны мрака плод жизни	90
Повесть о сыне везира, о купце, о деревянном попугае, который умел говорить	99
Повесть о радже Бахваджрадже, об угощении, устроенном его сыновьями, о том, как море пришло на это угощение	104
Повесть о человеке, который возился в грязи, о том, как он нашел во прахе несравненную жемчужину, о том, как лишился ее и жемчужиной завладели его спутники	114
Повесть о том, как собрались восемьдесят мудрецов и определили природу сына эмира Исфохана с самого его детства	125
Повесть о том, как попугай разъяснял основы науки о музыке, об особенностях флейты и струн	130
Повесть о свирепом льве, коте-стражнике, о дерзости мышей перед львом, о том, как котенок истребил мышей и раскаялся	136
Повесть о безобразном сыне раджи Бенареса и его прекрасной невесте, о том, как она влюбилась в молодого пройдоху, как	

последовала за ним, о том, как вор похитил одежды девушки на берегу водоема, а также рассказ о шакале и девушке	144	Повесть о дружбе селезня с вороном, о том, как ворон стал помогать супруги селезня, о том, как их рассудили четверо крестьян	322
Повесть о купце Мансуре, о его отъезде, о том, как под видом Мансура к его жене явился посторонний мужчина, но ее добродетель восторжествовала	156	Повесть о том, как раджа Тирхута устроил пиршество, о его сыне и о дочери и о старом музыканте	328
Повесть о сыне царя Забулистана, о том, как он купил у брахмана добрый сон, как явились к нему женщина, змея и лягушка, как сын эмира освободил лягушку из пасти змеи и как они воздали за то царскому сыну	164	Повесть о слоне, ужаленном скорпионом, о старом опытном шакале, о появлении льва, гепарда, шакала и обезьяны	334
Повесть о павлине падишаха и о том, как жена брахмана убила павлина	173	Повесть о четырех юношах из Балха, о том, как море подарило им восемь лучезарных жемчужин	341
Повесть о дочери отшельника, о том, как к ней сватались трое мужчин и как она безмолствовала в первую брачную ночь	180	Повесть о царе Мерва, о диве, овце и обезьяне, а также о нитке жемчуга	347
Повесть о льве и его четырех везирах: павлине, куропатке, вороне и шакале	186	Повесть о хорезмийском купце и цирюльнике, о том, как он увидел свое счастье во сне в облике монаха, о том, как он встретил монаха днем, о том, как монах стал золотым	355
Повесть о зрении лугового нарцисса, о смехе откормленной птицы и о том, как надим Гольхандан смеялся в темнице	192	Повесть о четырех жителях Балха, о том, как они получили от монаха четыре бусины и как обрели четыре рудника	361
Повесть о радже Бикрмакире и его жене Камджуй, о том, как рыбы засмеялись в ее присутствии, как мальчик Машалла, родившийся без отца, раскрыл тайну их смеха и как казнили восемьдесят четыре человека	201	Повесть о радже Бикрамаджате и сыне везира, о том, как он спустился в подземный мир и привез дочь Пифагора	369
Повесть о шахе Джамаспе и его жене Махнуш, о том, как попугай и его самка вели речи в их присутствии в похвалу мужей и жен и в порицание их	210	Примечания	379
Повесть о диве пустыни, о том, как каждый муж превозносил свою жену над другими женами и как вор решил их спор	220	Глоссарий	386
Повесть о Шапуре, эмире лягушек, о том, как он стал названным братом змеи, как родные Шапура захватили его и как он отомстил им с помощью змеи	225		
Повесть о Зарире-ткаче, о том, как он отправился в Нишапур за богатством и вернулся в родной город, не достигнув цели	231		
Повесть о женщине и ее детях, о том, как барс напал на нее и как она спаслась от него	244		
Повесть о синем шакале	249		
Повесть о Хуршиде, жене купца Саида, чрезмерная красота которой стала причиной ее несчастья	255		
Повесть о трех везирах раджи Махлара, о Хамидуне, сыне великого везира, о Сайяре, дочери второго везира, о том, как они полюбили друг друга	262		
Повесть о дочери кабульского купца, о трех юношах, которые сватались к ней, о том, как джинн увел у них эту девушку	267		
Повесть о том, как брахман влюбился в дочь раджи Бабила, о том, как осуществились их желания благодаря усилиям чародея	274		
Повесть о царе Кашгара и кашгарском купце, о том, как купец выдал свою дочь за кутвала, как царь влюбился в дочь купца, и о добродетели царя	280		
Повесть о сыне правителя Систана, о белом слоне и гюрзе	285		
Повесть о цапле, воробье, пчеле и слоне, и о том, как слон разбил яйцо воробья, а воробей отомстил ему с помощью друзей	290		
Повесть о нишапурском купце, его жене Шахр-Ара и о том, как купец застал жену с любовником	295		
Повесть о богдыхане Чина, о его сватовстве к царевне Рума и о том, как везир нарисовал на стене портрет румской царевны	300		
Повесть о том, как пел осел и как плясал дровосек	306		
Повесть о купеческом сыне из Термеза, о том, как он посвящал все свое время жене и забросил дела	312		

Имад ибн Мухаммад ан-Наари

**ЖЕМЧУЖИНЫ БЕСЕД
(ДЖАВАХИР АЛ-АСМАР)**

Редактор Н. Б. Кондырева
Младший редактор И. И. Исаева
Художник А. Юсупова
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко

Корректоры
Л. Н. Дегтярева и И. С. Мордасова
ИБ № 14804

Сдано в набор 08.12.83. Подписано к печати
5.04.85. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1 Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. л. л.
21,0. Усл. кр.-отг. 42,84. Уч.-изд. л. 26,4 Тираж
100 000 экз. Изд. № 4876. Зак. № 4035. Цена
2 р 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

